

УДК 398.22(=512.153)

DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-98-107

Н. С. Чистобаева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

РОЛЬ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ЭПИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ХАКАСОВ

Аннотация. В исследовании поэтико-стилевой системы эпоса рассмотрение устойчивых поэтических описаний является весьма важным, т. к. они играют важную роль в формировании структуры и содержания эпического сюжета. Цель данного исследования состоит в выявлении и описании волшебных предметов с семантикой «получение информации», способствующих развитию определенного сюжета и мотивов в эпическом повествовании хакасов. Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих задач: выявление и описание устойчивых поэтических описаний на примере волшебных предметов с семантикой «получение информации», при детальном анализе книги судьбы, сходства и различия в текстах разных сказителей, определение степени привязки к эпическому сюжету и мотивам. В героических сказаниях книга судьбы в качестве волшебного предмета встречается в разных названиях: заимствованное слово книга в значении 'гадательная книга, всезнающая книга, письмо, письменное послание', *кинде* 'книга, бумага', *пичик* 'письмо, записка, послание', *сугдур пичик* 'письмо, бумага с написанным текстом, сутра', *кигдей пичик* 'письмо, бумага, книга', *сабыра пичик* 'надпись, вырезанная на дереве, камне, наскальные надписи, послание, богатырская грамота, письмо, эпитафия'. В результате проведенного анализа установлено, что при выборке из десяти героических сказаний, записанных от известных хакасских сказителей, наиболее часто в качестве волшебного предмета в значении 'книга' употребляются *книга*, *кинде*, *пичик*, реже *сугдур пичик* и *сабыра пичик*. Основная функция волшебной книги в героических сказаниях состоит в получении вести главными персонажами. Введение волшебной книги в поэтическую ткань эпоса способствует мотивировке выезда богатыря/богатырки из дома (на охоту, получение вести, поиски суженой, богатырского коня, на битву противников). Композиционно мотивировка составляет завязку действия. Также установлено, если эпические герои пишут послание на твердых поверхностях (камень, дерево), то указывается еще и инструмент для письма: ноготь, стальной меч. Как показал анализ, вариативность наблюдается контекстуальными синонимами-глаголами, за счет использования эпитетов, формульных словосочетаний, однако сравнение письма с чепраком остается неизменным. Применение сказителем разных эпических формул, устойчивых оборотов, словосочетаний не нарушают единства поэтического впечатления, а способствуют созданию гармонии в фольклорном повествовании.

Ключевые слова: героические сказания; сказитель; эпическая традиция; хакасы; устойчивые поэтические описания; волшебные предметы; эпитеты; сравнения; книга судьбы; варианты

Для цитирования: Чистобаева Н. С. Роль волшебных предметов в эпическом повествовании хакасов. Эпосоведение. 2023, № 4. С. 98–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-98-107.

ЧИСТОБАЕВА Надежда Степановна – кандидат филологических наук, заведующий сектором фольклора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия. ORCID: 0000-0002-3465-8340.

E-mail: chistobaeva-76@mail.ru

CHISTOBAEVA Nadezhda Stepanovna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Folklore Sector, Khakas Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia. ORCID: 0000-0002-3465-8340.

E-mail: chistobaeva-76@mail.ru

N. S. Chistobaeva

Khakas Research Institute of Language, Literature and History

The role of magic objects in the Khakas epic narrative

Abstract. In the study of the poetic-stylistic system of the epic, the consideration of stable poetic descriptions is very important, since they play an important role in the formation of the structure and content of the epic plot. The purpose of this study is to identify and describe magic objects with the semantics of “getting information” that contribute to the development of a certain plot and motifs in the epic narrative of the Khakas people. The achievement of this goal provides for the solution of the following tasks: identification and description of stable poetic descriptions on the example of magic objects with the semantics of “getting information”, with a detailed analysis of the Book of Fate, similarities and differences in different epic tellers’ texts, determining the degree of attachment to the epic plot and motifs. In heroic tales, the Book of Fate as a magic object is found under different names: the borrowed word, a book, in the meaning of ‘a fortune-telling book, omniscient book, letter, written message’, *kinde* ‘a book, paper’, *pichik* ‘a letter, note, message’, *sugdur pichik* ‘a letter, paper with written text, sutra’, *kigdei pichik* ‘a letter, paper, book’, *sabyra pichik* ‘an inscription carved on wood, stone, rock, rock inscriptions, message, heroic letter, letter, epitaph’. As a result of the analysis, with a sample of ten heroic tales recorded from famous Khakas epic tellers, it was found that a book, *kinde*, *pichik* are most often used as a magical object in the meaning of ‘a book’, and less often - *sugdur pichik* and *sabyra pichik*. The main function of a magic book in heroic tales is to deliver a message to the heroes. The introduction of a magic book into the poetic body of the epic contributes to the motivation of the departure of a bogatyr/woman-bogatyr from home (for hunting, receiving a message, searching for a betrothed or a bogatyr horse, for the battle with opponents). Compositionally, motivation is the beginning of the action. It is also found that if epic heroes write a message on hard surfaces (stone, wood), then a writing tool is also indicated: a nail, a steel sword. As the analysis showed, variability is observed by contextual synonyms-verbs, due to the use of epithets, formulaic phrases, but the comparison of a letter with a *cheprak* (a saddle cloth) remains unchanged. A epic teller’s use of various epic formulas, fixed expressions, and phrases does not violate the unity of the poetic impression, but contributes to the creation of harmony in the folklore narrative.

Keywords: heroic tales; epic teller; epic tradition; Khakas people; stable poetic descriptions; magic objects; epithets; comparisons; Book of Fate; variants

For citation: Chistobaeva N. S. The role of magic objects in the Khakas epic narrative. Epic studies. 2023, no. 4. Pp. 98–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-98-107.

Введение

Отечественное эпосоведение накопило значительный опыт в решении проблем генезиса, структуры, сюжетосложения, семантики, стилиобразования эпических текстов. Вместе с тем интерес к постижению глубинного содержания и поэтико-стилевых средств эпических текстов не только не ослабевает, но и усиливается в связи с интенсивным накоплением материала. Предметом внимания являются устойчивые поэтические описания, характеризующие волшебные предметы в героических сказаниях хакасов, и определение их роли, функции в процессе развития эпических событий.

Создание произведения героического эпоса и его исполнение всегда происходит в русле существующей эпической традиции. Об этом свидетельствует устойчивость идейно-эстетической системы жанра и характеристики образов. Так, помимо «общих мест», используемых сказителями в описаниях определенных эпизодов, в эпических текстах содержится множество устойчивых образных выражений.

Устойчивость, традиционность и повторяемость – основной признак эпических формул и типических мест. В исследовании поэтико-стилевой системы эпоса рассмотрение типических мест является весьма важным.

Тема волшебных помощников и предметов проанализирована в системе персонажей сказочного фольклора в работах Е. М. Мелетинского [1], В. М. Жирмунского [2], В. Я. Проппа [3; 4]

и др. На материале героических сказаний образы волшебных помощников и предметов исследованы М. А. Унгвицкой [5], В. Е. Майногашевой [6], Б. С. Дугаровым [7], Д. В. Убушиевой [8], М. М. Содномпиловой, С. Д. Гымпиловой [9] и др.

Волшебные предметы в хакасских сказаниях

К древнейшим чертам образов хакасских богатырей относится мотив волшебства, обладание богатыря/богатырки чудесными способностями. Почти в каждом героическом сказании герою приписывается умение воскрешать мертвых, понимать язык птиц и животных, менять облик и т. д. Как отмечает М. А. Унгвицкая: «Умение волховать, кудесничать – это второстепенное свойство каждого богатыря, подчеркивающее его “всемогущество”, умение выйти из любого положения» [5, с. 111]. В эпическом произведении сказочные образы и волшебные предметы не являются обязательными атрибутами, они вводятся в поэтическую ткань как отдельные элементы фантастики, способствующие развитию определенного сюжета в эпическом произведении. Богатырь в редких случаях прибегает к применению волшебных предметов. Героические сказания в своих древнейших образцах прославляют *алыпов* ‘богатырей’ – личностей сильных, деловых, добрых, мудрых, находчивых и справедливых. Живущих в интересах семьи, рода, племени, защищающих слабых, заботящихся об обеспечении их пропитанием. Традиция прославления героев-мастеров – охотников, освобождение сильными слабых из плена похитителей – такое повествование в эпосе длительное время оставалось одним из самых популярных на первых стадиях творения эпоса. Нередко встречаются сюжеты об (особо метких) охотниках, носящих имя Хан Мирген, т. е. Меткий хан. Они возвращаются с охоты с богатой добычей – круп их лошади обычно покрыт множеством набитой дичи. А их встречают соплеменники, которым охотники раздают добытое. В итоге себе, своей семье они оставляют только малую часть привезённого. Такова характеристика их самоотверженности, преданности родоплеменному коллективу. Особую ценность составляет физическая сила рук, тела, борцовская сноровка, ловкость. Древнейший этап борьбы характерен безоружными схватками и только силою рук. В образах богатырей представлен, традиционно, идеал героя с превосходными качествами.

Как правило, в героических сказаниях встречаются два способа приобретения волшебных предметов: получение (в результате дарения) или наличие волшебного предмета и его последующее использование или его поиски и добывание. По мнению В. Я. Проппа, «рассмотрение помощника неотделимо от рассмотрения волшебных предметов. Они действуют совершенно одинаково» [4, с. 166].

В героических сказаниях хакасов среди волшебных предметов чаще всего встречаются: книга судьбы, письменное послание, перстень, платок, зеркало, трехсуставная белая трава, складной нож, стрела, мячик (шарик), золотое яйцо, золотой рог, смола и др. Они составляют основу многих фольклорных мотивов: чудесных способностей, обретения истинного облика, оживления, исцеления, трудных задач, задаваемых эпическому герою, магического предмета и др.

В героических сказаниях слово ‘книга’ в качестве волшебного предмета встречается в разных названиях: заимствованное слово *книга* в значении ‘гадательная книга, всезнающая книга, письмо, письменное послание’ *кинде* ‘книга, бумага’, *пичик* ‘письмо, записка, послание’, *сугдур пичик* ‘письмо, бумага с написанным текстом, сутра’, *кигдей пичик* ‘письмо, бумага, книга’, *сабыра пичик* ‘надпись, вырезанная на дереве, камне, наскальные надписи, послание, богатырская грамота, письмо, эпитафия’.

В героических сказаниях умение читать и писать констатируется как личное достоинство богатыря/богатырки или другого положительного или отрицательного эпического персонажа, сам процесс обучения письму не описывается. Книга в качестве волшебного предмета несет важную смысловую нагрузку. Основная её функция состоит в получении нужной информации. Обращение к книге предсказаний составляет завязку действия. В героических сказаниях книга, как правило, хранится у родителей, старшей сестры, родственников богатыря, преданной слу-

жанки. Местом хранения книги могут быть различные предметы: сундук, шкатулка, подушка и т. д., но иногда и место хранения не указывается.

Книгой, как правило, пользуются главные персонажи. К ней обращаются для получения необходимой важной информации, например, наречение имени богатыря/богатырки, сообщение о родителях богатыря/богатырки, предначертанной невесте/суженого, предназначении богатыря/богатырки, местонахождении целительного предмета, богатырского коня и богатырского снаряжения и т. д.

Мотивы умения и чтения письма очень популярны в героических сказаниях хакасов, в текстах передается традиционной эпической формулой в разных вариантах: *Таплада кил таньпчадыр, / тадырада кил хышырчадыр* 'Отчётливо ведь понимает, / бегло и громко ведь читает'. Письмом эпические герои пользуются весьма широко. Отправляют письмо-послание богатыри своим друзьям, побратимам, родственникам, прося оказать помощь в борьбе с врагом, поисках суженой и т. д. Как правило, эти тексты не большие по объёму.

Как показал анализ, если сказителями использована в тексте сказания волшебная книга то, обычно, в этом случае за традиционной эпической формулой 'умения громко читать' следует другая эпическая формула: *Пилбес нимені ам пилгеннер, / сизинмес нимені ам сизингеннер* 'То, что не знали, теперь знают / то, чего не замечали, теперь замечают'.

По мнению В. Е. Майногашевой, «мотив книги предсказаний в хакасском эпосе появился позднее, более ранней эпической традицией является та, согласно которой суженую называет или предсказывает мать, старшая сестра, отец, старший брат, если нет родичей – конь, а также какой-либо старый человек – мужчина или женщина. Эта традиция уходит своими корнями в глубокую, дописьменную древность. С дальнейшим развитием общества, образования государства и появления письменности многие общественные устои могли закрепляться письменно, их непосредственное хранение как бы передавалось книге. Поэтому в *алыптых нымахах* периода государственности нередко герой обращается за советом к старшей сестре или иному старшему родичу, а те в свою очередь обращаются к Чёрной книге, в которой ищут ответ» [6, с. 65].

Так, в сказании «Старик Ах Хан на бело-буланом коне», записанном от сказителя А. С. Буракова, на стойбище Ах Хана нападает враг, тем временем богатырский конь спасает маленького мальчика. По прошествии времени юный богатырь возвращается в свое разрушенное стойбище и находит книгу, где указывается его суженая:

*Кичім улинча ниме тўзип одыр,
Алтын Іргексер алдыра,
...Алып көрер алтын буквадаң кил
Тастында пазыл партыр.
Кичім улинча книганы кил
Хыр турча
Тадырада хыгырадыр,
Таплада таапча,
Көп пазылган мічікті тооза піледір.
Кичім улинча мічікте пазыл партыр
Ўстүндегі ўс чаячы, чагыс чаячы*

*Чаяп пастырлар:
Чагыс чаячының Ай Арыг хыс пала полтыр,*

Что-то размером с чепрак¹ спускается
К Алтын Иргеку,
...Увидел богатырь, что золотыми буквами,
На [книге] написано, оказывается.
Книгу размером с чепрак
Ведь читает,
Бегло и громко ведь читает,
Отчетливо понимает,
Все, что написано узнает.
В письме размером с чепрак написано,
Всевышние три Бога-творца и один
Бог-творец
Создавая, написали:
У Бога-творца есть дочь Ай Арыг,
оказывается,

¹ Чепрак – суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, кладётся на спину поверх потника.

*Алтын Иргек аны алып,
Чуртиргэ чаялган тiн, пазылган полтыр.*
[10, лл. 22–23]

Алтын Иргеку её взять в жены,
Жить вместе, написано, оказывается.⁴

В эпосе книги предсказаний имеют разный размер, цвет, оформление, но основная функция состоит в получении интересующей информации богатырем/богатыркой. В упомянутом сказании «Старик Ах Хан на бело-буланом коне» сказителем А. С. Бурнаковым сделана вставка: *алтын буквадаң кил тастында пазыл партыр* ‘золотыми буквами на книге написано, оказывается’.

В большинстве случаев, размер книги сравнивается с *кичiм* ‘чепрак’ или сказителем используются различные эпитеты *улуғ* ‘большая’, ‘важная’, *килкiм* ‘огромная’: *Тогыс Чаян, аны истiн, /улуғ книгаларын кiрчелер* [11, с. 617] ‘Девять Чаянов, услышав это, / Большие (важные) книги читают’.

Или же, например, в сказании «Хулатай» Алып Хан Хыс из черной книги узнала, что двум юным богатырям на земле нет подходящего богатырского коня, нет соответствующего богатырского снаряжения, имя одного из богатырей Тюн Хара на вороном коне, а богатырский конь второго богатыря в тексте представлен в виде загадки: *Пiрси аттыг даа нимес / Чазаг даа нимес чiрер чадыр* [12, л. 260] ‘А другой [богатырь] и не на коне будет, и не пешим будет ходить’. У сказителя С. П. Кадышева эта эпическая формула более развернутая за счет включения текста загадки. Данный пример показывает органичное взаимодействие разных жанров фольклора в хакасских героических сказаниях.

В героическом сказании «Ай Солбаннаң Күн Солбан» («Ай Солбан и Кюн Солбан»), исполненном и записанном С. И. Шулбаевым, которое относится к сагайско-шорской «школе сказителей», встречается интересное описание книги предсказаний:

*Ай Арыг тура пазып, тогыс клүстіг
сундугын асхан,
Алтын букванаң пазылган алтын книганы
сыгарып,
Алтын столга аны салган.
Ай алтында алтын чiли чалтырап тур,
Күн алтында күмүс чiли палыңнап тур.*
[13, с. 12]

Ай Арыг подойдя, сундук о девяти замках
открыла,
Золотую книгу, написанную золотыми
буквами достав,
На золотой стол её положила.
Под луною, словно золото, блестит,
Под солнцем, словно серебро, сияет.

Традиционное в эпосе хакасов сравнение, которое восходит к общетюркской эпической традиции. В представлении творцов эпических произведений, солнце и луна воплощают собой высшую красоту во всем мироздании.

Как показал анализ, местом хранения волшебной книги чаще всего выступают сундук с разным количеством замков, золотая шкатулка, белый волшебный платок, подушка и др.: *алтын абдыра* ‘золотая шкатулка’, *тогыс аастыг ах тас сундух* ‘кованный серебром сундук с девятью замками’. Часто указывается и материал из которого сделан сундук, например, *хызыл тас сумдүх* ‘сундук из красного камня’.

Алтын Арыг алтын абдыраны асхан, / Алтын пічіктіг книга сыгарган [14, с. 62] ‘Алтын Арыг золотую шкатулку открыла / книгу с золотыми буквами достала’.

Чаще используются сказителями простые и сложные эпитеты: *алтын* ‘золотая’, *хара* ‘черная’, *улуғ* ‘большая’ ‘важная’, *алтын пічіктіг* (букв. с золотым письмом) ‘дорогое или ценное

⁴Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи.

послание', *алтын буквадаң пазылган* 'написанная золотыми буквами' и др. В эпосе эпитеты 'белый' и 'черный' употребляются не только в своем прямом значении. Эпитет *ах* 'белый' определяет все доброе, светлое. В противоположность ему эпитет *хара* 'чёрный' большей частью используется для характеристики всего темного, злого. В героическом сказании «Хулатай», возможно, упоминание именно черной книги связано с тем, что необходимое для богатырей находится в демоническом мире.

В группу волшебных предметов с семантикой «получение информации» относится и *пичик*. В Хакасско-русском словаре лексема *пичик* имеет следующие толкования: 1) бумага; 2) письменность; 3) грамота; 4) письмо, записка, послание; 5) название учебника, научного издания [15, с. 370]. В героических сказаниях хакасов чаще всего используется в значении 'письмо, записка, послание'. Как показывает материал, если в тексте эпоса сказителями используется *пичик* 'письмо, послание', то описывается внезапное его появление, например, спускается с небес или оно написано на волшебной стреле, которая вонзается в коновязь, или богатыри находят его, прикрепленным к седлу крылатого богатырского коня, или важная надпись, сделана на самой коновязи богатыря.

В эпосе «Богатырь Хара Хан на вороном коне с шерстью длиною в пядь» в исполнении хайджи-нымахчи С. П. Кадышева, Ай Арыг слышала в небе шум и гул. Ай Арыг посмотрела на небо и увидела крылатого бело-буланого коня, к седлу которого было прикреплено послание, в котором указывалось местонахождение богатырского снаряжения.

В героическом сказании «Чибет Хан», записанном в 1948 г. А. Т. Кызласовой от сказителя С. Т. Боргоякова, юный богатырь обращается за помощью к другому богатырю в поисках суженой:

*Ат палгачаң сарчынга хосто хазалып,
түсті нимес,
Ол хостода пазыл парған полтыр.
Хан Харахчын таслада танып,
Тадырада хыгыр тур пу пичікті.*
[16, с. 256]

В коновязь стрела вонзилась, оказывается.
На той стреле написано, оказывается.
Хан Харахчин отчётливо понимает,
Бегло читает это послание.

или:

*Ноо-да ние өртін түскен чили пілдірген,
Кичім улинча кидертін килкім пічік
ам түсті.
Аны тадырада хыгырадыр,
Таплада танып турадыр.*
[16, с. 241]

Показалось, будто что-то упало сверху,
С западной стороны огромное письмо-по-
слание величиной с чепрак упало.
Его бегло читает,
Отчетливо понимает.

В приведённых примерах богатыри получают разного рода важные сообщения, которые определяют будущие их подвиги. В последнем случае богатырь из письма узнает свое имя. В представленных примерах устойчивое поэтическое описание умения и чтения письма варьируется контекстуальными синонимами-глаголами, за счет использования эпитетов, однако сравнение письма с чепраком остается неизменным.

Наряду со всеми указанными мотивами волшебной книги, в *алыптых нымахе* встречается ещё *сугдур пичик* в значении 'письмо, бумага с написанным текстом, сутра'. По мнению В. Е. Майногашевой: «... мотив предсказывающей книги в *алыптыг нымахе* имеет гораздо большую распространённость, чем *сугдур* 'письмо'. Можно предполагать происхождение мотива книги судьбы на основе поэтической типизации таких произведений, как древнетюркские книги гаданий. Они были довольно распространёнными и в обиходе ими пользовались» [6, с. 67]. Далее, опираясь на исследование С. Е. Малова (1952), она пишет: «В фольклор

тюркоязычных народов Южной Сибири мотив *судур* или *судур* мог проникнуть от народов-буддистов, с которыми они имели тесное соприкосновение. Таковыми были древние уйгуры, а позднее монголы времен Чингиз-хана. Сутра ‘Золотой блеск’ была, по утверждению тюрколога, одним из ранних переводов буддийского текста на уйгурский язык – X в.» [6, с. 67].

Б. С. Дугаров, подвергая анализу сюжетную роль священной книги в текстах бурятского и алтайского эпосов, пишет, что «особый пласт в океане буддийских произведений составляли гадательные, магические заклинательные тексты, которые естественно накладывались на шаманистские верования тюрко-монгольских народов и обогащали их культовую практику. Так, алтайский *судур* и бурятский *ном*, как образы “книги судеб”, воплощенные в эпической интерпретации, по всей вероятности, генетически восходят к буддийским астрологическим текстам, в которых судьбы людей увязываются с определенными датами лунного календаря, астральными культами и сакральной символикой» [7, с. 87]. Если в алтайском и бурятском эпосах особо почитаемая *судур бичик* ‘книга предсказаний’ имеет большую распространённость, то в хакасских героических сказаниях *сугдур пічік* ‘письмо’ встречается реже. К сожалению, на данном этапе работы с эмпирическим материалом не встретились примеры с *сугдур пічік*. В. Е. Майногашевой был найден образец в героическом сказании «Пулан путтыг пора аттыг Погда-Кіріс» («Погда-Кирис, ездящий на сером коне с лосиной ляшкой»), записанном от сказителя П. Н. Доброва:

Поган Арыг алтын пүрліг пай хазыңнаң

*Алтын тос сойып алган,
Алтын сугдур пічік пасча.*

Поган Арыг с золотолистной священной
березы

Золотую кору снявши,
Золотой сугдур пишет.

[17, л. 39].

Эпические герои пишут либо сами на бересте, коже, стреле, луке седла, либо получают письма, написанные на этих материалах или предметах. Доставляют письмо-послание, как правило, помощники главных героев, привязав его к крылу черного ворона, к гриве богатырского коня, например, *Тосха пічік пазыт*, / *Хара Хусхунга чапсыра палгаан* [18, с. 36] ‘Письмо на бересте написала, / К крылу черного ворона его привязала’ [18, с. 278].

В героических сказаниях встречается в качестве волшебного предмета еще одно устойчивое словосочетание *кигдей пічік* в значении ‘письмо, бумага, книга’. Основная её функция тоже состоит в получении интересующей информации богатырем/богатыркой:

*Алты аастыг ах сундугын ача тартхан,
Кицім улиинча кигде пічік сыгарган.
Тоғыс харыс халыны полтыр ол кигде*

пічіктің.

[11, с. 613]

Белый сундук с шестью замками открыла,
Книгу размером с чепрак извлекла.
Толщиной та книга в девять пядей.

Как правило, местом хранения выступает сундук с разным количеством замков, используются эпитеты *хара* ‘черный’, *ах* ‘белый’, *хызыл* ‘красный’, *тас* ‘каменный’, *улуғ* ‘большой’ и др. В данном примере в третьей строке указывается еще и толщина книги *тоғыс харыс халыны* ‘толщиной в девять пядей’.

Кроме рассмотренных выше примеров, эпические герои пишут на каменных плитах и скалах и др. В этом случае в текстах используется *сабыра пічік*. В хакасско-русском словаре *сабыра пічік* имеет следующее толкование: 1) надпись, вырезанная на дереве, камне; наскальные надписи; послание, богатырская грамота; 2) надписи на камне или дереве (древнетюркские письмены); 3) эпитафия (надгробная, надмогильная подпись) [15, с. 424].

В героическом сказании «Ай Солбан и Кюн Солбан» эпический герой Кюн Мирген из послания узнает имена тех, кто разрушил его чурт, также в нем указано, что для расправы с противником необходимо облачиться в богатырское снаряжение, которое хранится в сундуке размером в девять этажей:

*Алтын стол үстүндө сабыра пічік
пазылтыр.
Күн Мирген таплада танып тур, топлада
хыгыр тур.
[13, с. 51]*

На золотом столе послание написано,
оказывается.
Кюн Мирген точно узнает, громко читает.

Во второй строке сказителем применена традиционная эпическая формула умения и чтения письма, которая выражена ключевым устойчивым словосочетанием. Отметим еще одну интересную особенность: устойчивое для языка эпоса словосочетание ‘золотой стол’. Здесь речь идет о низких столах, которые в юртах ставились для трапезы и убирались после неё. В сказаниях очень часто предметы и вещи сравниваются с драгоценными металлами. Как считает А. И. Чудояков, это неслучайно. «Золото в среде древних тюрков ценилось очень высоко. В памятниках древнетюркской культуры, в надписях много говорится о цене золота. В памятнике в честь Кюль-Тегина сказано: От кагана табгачей пришли Исьи и [?] Ликенг и принесли множество (букв. 10000) даров и бесчисленное [количество] золота и серебра» [19, с. 79].

Как показал анализ, если эпические герои пишут послание на каменных плитах, скалах или других твёрдых поверхностях, то указывается еще и орудие письма. В героическом сказании «Хара хулаттыг алып Хулатайдаңар» («Богатырь Хулатай на темном коне»), записанном Н. П. Адыгаевым от сказителя Ф. Н. Райкова, орудием письма выступает ноготь:

*Чис обаага тыргахпаң кізі пічік пастыр.
Алып Хулатай хыгыр тур.*

На медном курганном камне человек
ногтем написал, оказывается.
Богатырь Хулатай читает.

[20, с. 416]

Подтверждение сказанному находим в исследованиях эпосоведа В. Е. Майногашевой. Анализируя мотив путевых писем в вариантах героического сказания «Алтын Арыг, сама (собой) родившаяся в Белой скале», записанных от сказителей-хайджи П. В. Курбижекова и С. П. Кадышева, В. Е. Майногашева пишет: «Трактовки этого мотива у обоих сказителей близки, однако, более подробно даны у Курбижекова. У него же сохранилось упоминание собственных стальных мечей воинов в качестве ‘орудия’ их письма» [20, с. 64].

По мнению Д. В. Убушиевой, которая провела сравнительно-типологическое исследование архаического эпоса «Джангар» и тувинского героического сказания «Хунан Кара» на примере анализа волшебных помощников, «эпос выделяет персонифицированные способности героев, нежели конкретных волшебных помощников» [8, с. 172]. Те или иные волшебные предметы присутствуют у богатыря/богатырки, но они являются второстепенными.

Заключение

Основная функция волшебной книги состоит в получении интересующей информации главными персонажами. К ней обращаются для получения такого важного сообщения, как наречение имени богатыря/богатырки, информация о родителях богатыря/богатырки, предначертанной невесте/суженого, предназначении богатыря/богатырки, местонахождении целебного предмета, богатырского коня и богатырского снаряжения. Обращение к книге предсказаний составляет завязку действия. В героических сказаниях книга, как правило, бережно хранится у родителей, старшей сестры, родственников богатыря, преданной служанки. Местом

хранения книги выступают различные предметы: сундук, шкатулка, подушка, но иногда место хранения не указывается. Введение волшебной книги в поэтическую ткань эпоса способствует мотивировке выезда богатыря/богатырки из дома (на охоту, получение вести, поиски суженой, богатырского коня, на битву противников). Композиционно мотивировка составляет завязку действия.

В показанных примерах устойчивое поэтическое описание умения и чтения письма варьируется контекстуальными синонимами-глаголами, за счет использования эпитетов, однако сравнение письма с чепраком остается неизменным. Применение сказителем разных вариантов эпических формул, устойчивых оборотов, словосочетаний не нарушает единства поэтического строя и способствует созданию гармонии в фольклорном повествовании.

Литература

1. Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1958. – 264 с.
2. Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – Москва : Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 331 с.
3. Пропп, В. Я. Морфология сказки. – Москва : Наука, 1969. – 168 с.
4. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 364 с.
5. Унгвицкая, М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан : Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1972. – 311 с.
6. Дугаров, Б. С. Феномен книги в тюрко-монгольском эпосе: буддийское влияние и алтайско-бурятские параллели // Ученые записки (АГАКИ). – 2017. – № 1. – С. 82–88.
7. Убушиева, Д. В. Волшебные помощники в калмыцком и тувинском эпосе // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 4. – С. 165–175. – DOI : 10.25178/nit.2019.4.14.
8. Содномпилова, М. М., Гымпилова, С. Д. Лечебные приемы и атрибуты лекарей в эпических произведениях тюрко-монгольских народов: к истокам целительских практик // Традиционная культура. – 2021. – Т. 22. – № 4. – С. 112–122. – DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.009>.
9. Майногашева, В. Е. Хакасский героический эпос алыптх ныхмах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды). – Абакан : Бригантина, 2015. – 228 с.
10. Ах ой атгыг Ах Хан апчах – Старик Ах Хан на бело-буланом коне (запись Субраковой О. В. от сказителя Бурнакова А. С., 1972) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 674. – 105 л. (На хакасском яз.)
11. Мондаң пораттыг Булдалай алыптаңар – Богатырь Булдалай на сивом коне с иноходью (запись Адыгаева Н. П. от сказителя М. К. Доброва, 1948) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 89. – 150 л. (На хакасском яз.)
12. «Хулатай» (запись Чанкова Д. И. от сказителя С. П. Кадышева, 1948) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 178–353. (На хакасском яз.)
13. Ай Солбаннаң Күн Солбан : алыптыг ныхмах / С. И. Шулбаев. – Абакан : Дом литераторов Хакасии, 2021. – 292 с. (На хакасском яз.)
14. Ах Хан апчах – Стрик Ах Хан (запись Ултургашева Н. М. от сказителя Н. И. Чебодаева, 1946) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 149. – 52 л. (На хакасском яз.)
15. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сѳстїк / О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова и др. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
16. Чибет Хан (запись Кызласовой А. Т. от сказителя С. Т. Боргоякова, 1948) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 98. – 82 л. (На хакасском яз.)
17. Пулан путтыг пора атгыг Погда-Кіріс – Погда-Кирис, ездящий на сером коне с лосиной ляшкой (запись Спирина И. Ф. от сказителя П. Н. Доброва, 1954) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 37. – 54 л. (На хакасском яз.)
18. Алтын Арыг. Хакасский героический эпос / запись и подготовка текста, перевод, вступительная статья, примечания и комментарии, приложения В. Е. Майногашевой. – Москва : Гл. ред. вост. лит-ры, 1988. – 592 с. – (Эпос народов СССР).

19. Чудояков, А. И. Этюды шорского эпоса. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1995. – 221 с.
20. Хара хулаттыг алып Хулатайдаңар – О богатыре Хулатае, ездящем на темно-саврасом коне (запись Адыгаева Н. П. от сказителя Ф. Н. Райкова, 1948) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 97. – 150 л. (На хакасском яз.)

References

1. Meletinsky, E. M. Hero of a fairy tale. Origin of the image. Moscow, Oriental literature Publ., 1958, 264 p. (In Rus.)
2. Zhirmunsky, V. M. Legend of Alpamysh and the heroic tale. Moscow, Oriental literature Publ., 1960, 331 p. (In Rus.)
3. Propp, V. Ya. Morphology of a fairy tale. Moscow, Nauka Publ., 1969, 168 p. (In Rus.)
4. Propp, V. Ya. Historical roots of a fairy tale. Leningrad, Leningrad University Publ., 1986, 364 p. (In Rus.)
5. Ungvitskaya, M. A., Mainogasheva, V. E. Khakas folk poetic works. Abakan, Khakas branch of Krasnoyarsk Book House, 1972, 311 p. (In Rus.)
6. Dugarov, B. S. Phenomenon of a book in Turkic-Mongolian epic: Buddhist influence and Altai-Buryat parallels. *Scientific Notes (Altai State Academy of Culture and Arts)*. 2017, no. 1, pp. 82–88. (In Rus.)
7. Ubushieva, D. V. Magic assistants in Kalmyk and Tuvan epic. *The New Research of Tuva*. 2019, no. 4, pp. 165–175. DOI: 10.25178/nit.2019.4.14. (In Rus.)
8. Sodnompilova, M. M., Gapilova, S. D. Healing techniques and attributes of healers in epic works of the Turkic-Mongolian peoples: towards the origins of healing practices. *Traditional culture*. 2021, vol. 22, no. 4, pp. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.009>. (In Rus.)
9. Mainogasheva, V. E. Khakas heroic epic alyptyg nymakh: search for historical realities and periodization (selected works). Abakan, Brigantine Publ., 2015, 228 p. (In Rus.)
10. Old man Akh Khan riding a white-brown horse (recorded by Subrakova O. V. from epic teller Burnakov A. S., 1972). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 674. 105 p. (In Khakas)
11. Bogatyr Buldalaï riding a gray horse with a pacer (recorded by Adygaev N. P. from epic teller Dobrov M. K., 1948). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 89. 150 p. (In Khakas)
12. Khulataï (recorded by Chankov D. I. from epic teller Kadyshev S. P., 1948). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 94. Pp. 178–353. (In Khakas)
13. Shulbayev, S. I. Ai Solban and Kyun Solban: alyptyg nymakh. Abakan, House of Writers of Khakasias, 2021, 292 p. (In Khakas)
14. Old man Akh Khan (recorded by Ulturgashev N. M. from epic teller Chebodaev N. I., 1946). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 149. 52 p. (In Khakas)
15. Khakas-Russian Dictionary. O. V. Subrakova, P. E. Beloglazov, Z. E. Kaskarakova, et al. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1114 p. (In Rus.)
16. Chibet Khan (recorded by Kyzlasova A. T. from epic teller Borgoyakov S. T., 1948). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 98. 82 p. (In Khakas)
17. Pogda-Kiris riding a gray horse with a moose hip (recorded by Spirin I. F. from epic teller Dobrov P. N., 1954). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 37. 54 p. (In Khakas)
18. Altyn Aryg. Khakas heroic epic. Recording and preparation of the text, translation, introduction, notes and comments, supplement by V. E. Mainogasheva. Moscow, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1988, 592 p. (Epic of the USSR peoples). (In Rus.)
19. Chudoyakov, A. I. Essays of Shor epic. Kemerovo, Kemerovo Book Publ. House, 1995, 221 p. (In Rus.)
20. About bogatyr Khulataï riding a dark-dun horse (recorded by Adygaev N. P. from epic teller Raikov F. N., 1948). In: Manuscript Fund of Khakas Research Institute for Language, Literature and History. F. 1. Op. 1. Doc. 97. 150 p. (In Khakas)